

Научная статья

УДК 130.2

DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-93-103

К вопросу о причинах и стратегиях деконструкции советского в парафразах прецедентных культурных знаков

Валентина Михайловна Липицкая

Казанское высшее танковое командное ордена Жукова Краснознамённое училище,
Казань, Республика Татарстан, Россия

vmnasrtdinova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5070-0799>

Аннотация

Деконструкция советского в парафразах прецедентных культурных знаков, ранее неоднократно привлекавшая внимание филологов, впервые рассмотрена с социально-философских позиций: проанализированы социокультурные и социально-психологические причины указанного явления, теоретизировано его влияние на рецепцию советской темы современным общественным сознанием. Установлено, что тенденция ироничного перефразирования советских прецедентов обусловлена, с одной стороны, морфологией советской культуры, а с другой – предзадана факторами, сопряжёнными со свойствами общественной психологии. Рассматривая последствия профанирования советского в парафразах ПКЗ, автор указывает, что такие парафразы способны создавать альтернативный тезаурус советской культуры и истории, транслировать специфические ценности, нарушать общепринятые алгоритмы присвоения гуманитарной культуры.

Ключевые слова

советское, прецедентные культурные знаки, советская культура, общественное сознание, деконструкция, смеховая культура, медийный дискурс, рецепция

Для цитирования

Липицкая В. М. К вопросу о причинах и стратегиях деконструкции советского в парафразах прецедентных культурных знаков // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 2. С. 93–103. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-93-103

On the reasons and strategies of deconstruction of the Soviet in the paraphrases of cultural signs

Valentine M. Lipitskaya

Kazan Higher Tank School
Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation

vmnasrtdinova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5070-0799>

© Липицкая В. М., 2023

Abstract

Deconstruction of the Soviet in paraphrases of precedent cultural signs is for the first time considered from a socio-philosophical position: the socio-cultural and socio-psychological reasons for this phenomenon are analyzed, and its influence on the reception of the Soviet theme by modern public consciousness is theorized. It has been established that the tendency of ironic paraphrasing of Soviet precedents is predetermined by the morphology of Soviet culture and by a number of factors associated with the properties of social psychology as well. The author points out that paraphrases are capable of creating an alternative thesaurus of Soviet culture and broadcasting specific values.

Keywords

the Soviet, precedent cultural signs, Soviet culture, public consciousness, deconstruction, laughter culture, media discourse, reception

For citation

Lipitskaya V. M. On the reasons and strategies of deconstruction of the Soviet in the paraphrases of cultural signs. *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 2, p. 93–103. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-93-103

Бытование советских прецедентных текстов в постсоветское время обширно: к ним охотно прибегают политический, медийный, рекламный и бытовой дискурсы; прецеденты становятся важной компонентой смеховой культуры эпохи.

В отечественном академическом знании звучание прецедентов-советизмов в нововременных контекстах (и соответствующих им текстах) довольно подробно изучено в ракурсе социолингвистики – например, в работах Т. А. Гридиной [2011; 2014], Ю. Ф. Айдановой [2008], Ю. Б. Пикуневой [2009]. Вместе с тем, на наш взгляд, обнаруживается известная лакуарность в области социально-философского осмысления современного употребления советских культурных знаков, являющихся прецедентными; их способности «полномочно представлять» советскую культуру в изменившемся мире, равно как и обновлённого их *озвучивания* и рецепции в общественном сознании.

В рамках настоящей работы мы задаёмся целью установить причины, преимущественно экстралингвистические – (социокультурные, социально-психологические), задающие референции к советским прецедентным культурным знакам (далее ПКЗ), а также выявить концептуальные, мировоззренческие и аксиологические основания, такие референции оформляющие. Кроме того, мы считаем необходимым проанализировать влияние *постперестроечной транслитерации* советских прецедентов на коллективные представления о советском в широком смысле слова – советское как космос, система ценностей и установок; масштабный *авантекст*.

Автор настоящей работы солидарен с представлением ряда отечественных исследователей [Гридина, 2011; 2014], [Айданова, 2008] о том, что при размещении советских ПКЗ в постсоветских дискурсах происходит деконструкция и вышучивание советского, однако основной задачей данной работы является не академическое протоколирование определённого феномена, но поиск релевантной экспланационной модели, способной обеспечить понимание того, почему, процессуруя языковые клише советской эпохи, обыденное сознание современного российского общества вновь и вновь приходит к (пост)ироничному знаменателю. В качестве материала для анализа нами выбраны т. н. «приколы “Русского Ра-

дио”», также известные как шутки Николая Фоменко, в которых профанирование советского явлено чрезвычайно выпукло, предельно, порой эпатажно.

В рамках настоящей работы термины «*деконструкция*», «*травестирование*», «*профанирование*», «*высмеивание*», «*вышучивание*» ситуативно синонимизируются, так как методологически близкими авторской позиции оказывается понимание *деконструкции*, сформулированное В. Савчуком: «Деконструкция – это разгадка тайны, девальвация искренности, разочарование в общем проекте...» [Савчук, 1999, с. 125], а также Л. Немченко: «Деконструкция объекта исследования – это всегда позиция сомнения и подозрительности к общеизвестному и общезначимому» [Немченко, 2016, с. 109]. Любые манипуляции с т. н. ПКЗ мы рассматриваем как находящиеся в контуре деконструкции в той мере, в которой они не только «снимают» миф советского, но и задают альтернативное его прочтение.

Разумеется, «приколы» не являются единственным локусом едкого перефразирования советских ПКЗ, однако именно они обладают всероссийской узнаваемостью, в отличие, например, от заголовков статей в федеральных и региональных изданиях. В открытых источниках можно обнаружить более пятисот «приколов», в разное время озвученных радиоведущим. Большинство из них организованы в виде травестирования определённой *донорской коллокации*, высказывания-прецедента, каковым могут выступать пословицы и поговорки (например, «*Лучше синица в руках, чем утка под кроватью*», «*Язык до киллера доведёт*»), или афоризмы, цитаты из произведений классиков литературы и крылатые фразы (например, «*Пришёл, увидел, победил*», «*И дым копчёностей нам сладок и приятен*», «*Унылая пора*»).

Мы, однако, сосредоточимся на тех из них, которые апеллируют к советской теме – содержательно, в плане «месседжа» высказывания, и/или формально-стилистически (т. е. эксплуатируют узнаваемый речевой образец). Среди общего числа «советских» шуток мы предлагаем выделить несколько подтипов: а) осмеяние популярных лозунгов («*Земли – крестьянам, заводы – рабочим, пиво – мне*», «*Папуас папуасу – друг, товарищ и корм*», «*Серп и молот – коси и забивай*», «*Кузькина мать зовёт*», «*Всё лишнее – детям*», «*Пионерка – всем ребятам примерка*»), б) пародирование общеизвестных речевых клише («*Говорит Москва, все остальные работают*», «*Любите газету – неиссякаемый источник кулчков для семечек*», «*Мойте руки, перед и зад*», «*Не стой под струёй*», «*Лети с приветом, вернись умным*», «*Рабочий день сокращает жизнь на восемь часов*», «*Уходя, гасите всех*»), в) карикатурные вариации на тему литературных и песенных цитат («*Я достаю из широких штанин, и все возмущённо кричат: “Гражданин!”*», «*Первым делом мы испортим самолёты, ну а девушек – а девушек потом*», «*Бороться и искать, найти и перепрятать*», «*Главное, ребята, перцем не стареть*», «*Плачет девочка в банке*», «*По полу тапки грохотали*»), г) «троллинг» советского новояза («*Меняю проигрыватель на выигрыватель*», «*Где совок, там и мусор*», «*Я не отличница, я удовлетворительница*»), д) искажение прецедентных имён («*Место клизмы изменить нельзя*», «*А зомби здесь тихие*»), е) вышучивание реалий советской жизни («*Эх, Аврора, где же был твой айсберг*», «*Митя идёт на митинг, а Петя идёт на петтинг*», «*Готов постоять за других – езди в автобусе*», «*Сбылась мечта патриота*», «*Мальчики по вызову – телефон 02, круглосуточно*»).

Приведённая выше типология не является попыткой теоретизирования в области изучения ПКЗ, но частной моделью-линзой, инструментальной для текущего исследования, позволяющей выявить те речевые жанры, которые оказались наиболее уязвимыми и подверженными постироничной деконструкции, что, в свою очередь, приближает нас к пониманию причин таковой.

В качестве одной из ведущих причин нам видится *морфология* советской культуры в целом; ряд примордиальных её свойств, нашедших отражение в языке. Будучи, по своему определению, культурой неэлитарной, *делающей ставку* на массовость, всеобщую доступность и доходчивость, советская культура обращается к таким языковым средствам, которые это обеспечивают. В стихотворении «Птичка божия» (1929) у Владимира Маяковского находим предельное выражение этого тезиса: *«Уберите этот торт! Стих даёшь – хлебов подвозу. В наши дни писатель тот, кто напишет марш и лозунг»* [Маяковский, 1955, с. 449]. Адресованная (по крайней мере, изначально, в годы первых революционных завоеваний) тем слоям населения, которые не всегда обладают достаточным образованием (отсюда последующие уникальные советские практики *ликбезов, рабфаков, вечерних школ*), советская культура изъясняется конкретными, недвусмысленными, запоминающимися вербальными паттернами («Религия – опиум для народа!», «Болтун – находка для шпиона», «Победа коммунизма неизбежна!» и др.). В связи с этим маршевость, лозунговость, плакатность, формульность (порой, увы, мутирующая в формальность), экскламационность, идиоматичность, известная *мемность* становятся маркерами советской культуры. Однако теневой стороной тяготения к «чеканенным», «якорным» фразам-формулам становится их жанровая и эйдетическая амбивалентность: чрезвычайно серьёзные на первый взгляд, они чреваты пограничностью с жанром шутки, *мема*, прикола, обладая рядом схожих свойств: лаконичностью, яркостью, эпатажностью, парадоксальностью. Наиболее ранние реализации шуточного, изнаночного потенциала лозунга обнаруживаем ещё внутри советской культуры, задолго до реалий постперестроечного времени – например, у И. Ильфа и Е. Петрова читаем: «Остан наклонился к замочной скважине, приставил ко рту ладонь трубой и внятно сказал: – Почём опиум для народа?» [Ильф, Петров, 1961, с. 119], а также «А в Арбатове вам терять нечего, кроме запасных цепей» [Ильф, Петров, 1973, с. 43].

Другим важным свойством советской культуры, стремящейся воспитать нового человека, строителя коммунизма, является высокая степень её дидактичности, наставительности, что воплощается во множестве нормативных и нормализующих высказываний, звучащих в публичном дискурсе, принимающих формы партикулярного, не терпящего возражений императива («Стыди тунеядца!», «Мойте руки перед едой!», «Уходя, гаси свет!», «Не стой под стрелой!»). Анализируя функционирование фрейма бытового совета в советской лингвокультуре, Е. Ю. Щемелева отмечает: «Пропагандистскую директивность советской культуре придавало то обстоятельство, что обычные речевые жанры сдвигались в сторону жанров дидактических, учительных» [Щемелева, 2014, с. 217], а Л. Г. Фишман предлагает и более глобальную скобку: «...большевистский проект был обречён с самого начала стать проектом воспитательным, моральным, в широком смысле – культурным» [Фишман, 2022, с. 31].

Оценки того, насколько данные социальные инструкции и предписания виделись гражданину персонализированными и воспринимались им на свой счёт, разнятся: если героиню своей повести «Гадюка» (1928) А. Толстой наделяет высокой степенью гражданской эмпатии и слияния с тканью социального: «*Листочки декретов звали восстанавливать и творить. Чьими руками? Своими же, вот этими – всё ещё скрюченными, как лапа хищной птицы*» [Толстой, 1958, с. 210], «*Она рассматривала лица, каких не бывает, развевающиеся знамёна, стоэтажные дома, трубы, дымы, восходящие к пляшущим буквам: “индустриализация”*» [Там же, с. 211], то журналист Д. Бутрин полагает, что «безадресные и бессубъектные сообщения, главная цель которых – коллективно информировать метафизическую пустоту о том, что мы решили объявить истиной, возможно, и есть главная особенность советского строя». Думается всё-таки, что степень детерминированности «отдельно взятой жизни» институциональными «нотациями» зависела от индивидуальных психоэмоциональных особенностей личности, однако не замечать их «взрослую», родительскую интонацию не представлялось возможным в силу их всеприсутствия. Позднейшее «передразнивание» наставительных ПКЗ, таким образом, происходит из отведённой гражданину «детской» позиции как реакция на избыточные социальные ЦЭУ.

Кроме того, пространство для возникновения комического эффекта и потенциальности пародирования создают уже упомянутые выше всеобщность и, как следствие – репетитивность таких речевых образцов, как лозунги и предписания. Транслируемое ими *нуминозное* (в советском его прочтении, т. е. *авторизованное* государством), не будучи зарезервированным в качестве эксклюзивного языка (например, только для высоких трибун и партийных собраний), неизбежно сталкивается с повседневным профанным – с курьёзами и каверзами бытовой жизни, с её *площадными* компонентами, от которых никуда не деться; с её *динамикой*, которой плакатно-лозунговой *статике* порой нечего противопоставить. Обозначенный зазор между «циркулярами и жизнью» с удовольствием эксплуатируют кинематографисты: «*Двое в комнате. Я и Ленин*», произносит в т/с «Дело гастронома №1» (2011, реж. С. Ашкенази) жена майора КГБ Маша Скачко (Юлия Пересильд), не дождавшись мужа к накрытому столу и решаясь на адюльтер; а в т/с «Операция Валькирия» (2018, реж. Д. Петрунь) сцену, где музыкальный руководитель Елена Измайлова (Марина Александрова) обнаруживает поредевшие ряды детского хора (дети «врагов народа» вывезены из Артека перед приездом высоких гостей) и обрамляет эмблематичный транспарант с лозунгом «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!».

Что же касается «ядовитых» перепевов заглавных советских песен, то, во-первых, и они не есть «изобретение» постсоветского периода – ранее мы уже упоминали пародию на легендарную песню Юрия Кукина, по версии которой «*за туманом едут только дураки*» [Насртдинова, 2018, с. 84]; в конце шестидесятых годов художник Вагрич Бахчанян восклицает: «*Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью!*», а во всё ещё советской «Интердевочке» П. Тодоровского (1989) юная работница секс-индустрии смеётся в лицо сотруднику милиции, упоминая отца, профессора-африкановеда: «*И поэтому, знаю, со мной ничего не случится*». Вышучивание советской песни, на наш взгляд, в большинстве случаев является

всё-таки не умышленным и циничным отрицанием воспеваемых в них ценностей, но, скорее, реакцией на герметичность культурного кода; предсказуемость и инвариантность сетки советского теле- и радиовещания – во-первых, преимущественно русскоязычного (за исключением небольшого процента «Мелодий и ритмов...»), а во-вторых, очень *форматного*, репертуарно-выдержанного, отсекающего инакомыслие.

При анализе социально-психологических причин усердного разоблачения советского при помощи советских же ПКЗ, с одной стороны, небезосновательной видится точка зрения Сьюзан Гал и Гейл Клигман, приведённая в работе «Это было навсегда, пока не кончилось» А. Юрчаком: «каждый гражданин социалистического общества “был в некоторой степени соучастником системы покровительства, лжи, воровства, подкупа и двуличия, благодаря которым система функционировала”» [Юрчак, 2014, с. 44]. С другой стороны, не приходится игнорировать и мнение С. Кара-Мурзы, указавшего, что «с конца 1980-х годов в России ведётся большая и хорошо разработанная программа по релятивизации, а потом и снятию нравственных норм и запретов и внедрению ценностей радикально аморальных» [Кара-Мурза, 2005, с. 546]. На наш взгляд, справедливо усмотреть в этой тенденции определённый социально-психологический фьюжн: разумеется, сложно отрицать факты реализации технологий по работе с общественным сознанием (взять хотя бы хрестоматийное «Да-да-нет-да», «завернутое» в неприязательную песенку, исполненную А. Пугачёвой перед апрельским референдумом 1993 г.). Да и такой циничный «прикол» того же Русского Радио, как «*Гагарин был первым проходивцем в космосе*», ранее уже рассмотренный Т. Гридиной [Гридина, 2014, с. 37], выглядит скорее вероломной «инъекцией» в общественное сознание, нежели высказыванием «из народа» – так, по версии журнала Forbes, Юрий Гагарин возглавил рейтинг «Самые влиятельные россияне столетия», получив 52 % голосов респондентов.

В то же время в деконструкции советских ПКЗ считается и известная степень размещения гражданской «мести», использующей, наконец, долгожданную возможность говорить прямо и без опасений, и неотделимых от неё попыток «терапевтировать <...> масштабную социальную травму неискренности, выраженную, например, в необходимости изображать веру в скорое наступление “светлого будущего”, получая при этом товары первой необходимости по талонам» [Липицкая, 2022, с. 68].

Далее обратимся к рассмотрению возможных последствий профанирования советского в парафразах ПКЗ и его влияния на рецепцию советской темы современным общественным сознанием. Во-первых, в силу значительной своей хлесткости, броскости и *незабываемости*, парафразы ПКЗ-советизмов входят в постперестроечный коллоквиальный дискурс, поглощаются и присваиваются обыденным сознанием, тем самым создавая альтернативный тезаурус советской истории и культуры, или их *краткий пересказ*, весьма непривлекательный и ходульный – советское, по его версии, выглядит *невеликим*, скучным, местами потешным, местами абсурдным, а иногда и вовсе – концептуально *недееспособным*. Анализируя вышучивание штампов авторитарного дискурса в телепроекте «Старые песни о главном» на частном примере фраз-подводок к выступлению Жанны

Агузаровой, Д. Журкова отмечает, что «такой стиль общения — это даже не пародия на то, как на советском телевидении подавалась зарубежная эстрада, <...> это сознательное «придумывание» прошлого, в котором идеологические штампы советского времени перемежаются фразеологическими штампами на иностранном языке, выливаясь в фантасмагорическую картину» [Журкова, 2021, с. 42]. Аналогичное «параллельное конструирование прошлого» выполняют и рассмотренные нами «приколы», настойчиво предлагая общественному сознанию собственную модель советского.

Во-вторых, неукоснительно следуя принципу «отвергаешь – предлагай», парафразы советских ПКЗ выступают лаконичными манифестами своеобразной системы ценностей, согласно которой труд есть новый атавизм («*Матушка-Лень зовёт*», «*Ударим крепким сном по мукам совести*», «*Вам песня строить, нам – жить помогает*»), пагубные пристрастия заслуживают снисхождения (если не умиления: «*С наступающим Вас опьянением*», «*Пиво с утра не только вредно, но и полезно*», «*Чем больше выпьет комсомолец, тем меньше выпьет хулиган*»), представления об интимной жизни примитивно-вульгарны («*Как много девушек хороших, но тянет что-то на плохих*», «*Скажи-ка тётя, ты не даром*», «*В женский монастырь со своим усталым не ходят*», «*На позиции – девушка, а с позиции – мать*»), а деньги становятся мерой всех вещей («*Мы придём к Вам на выручку, если есть выручка*», «*Таможня берёт добро*», «*Не суй взнос не в своё дело*», «*Обналичим Нобелевскую премию*») и т. д. Кроме того, при ближайшем рассмотрении некоторые «приколы» обнаруживают трансляцию и вовсе асоциальных, девиантных ценностей. При рассмотрении имплицатуры фразы «*Серп и молот – коси и забивай*» Т. Гридина указывает на грубо-буквалистское её прочтение и, как следствие, возникновение «коннотаций, отсылающих к ситуации политических репрессий («выкашивания» и «подавления» так называемых врагов народа)» [Гридина, 2011, с. 49]. Добавим, однако, что описанная имплицатура может не являться единственной; многозначность использованных сленговых лексических единиц (глаголов *косить* и *забивать*) открывает как минимум ещё два варианта прочтения этого «прикола». Во-первых, согласно определению *Словаря русского арго*, косить (также откосить) – значит уклоняться от службы в армии или иной ответственности, а забить (забивать) – значит «не обращать внимания, игнорировать, относиться равнодушно» или «сменить тему, забыть». Таким образом, считывается нигилистический призыв к избеганию установленных социальных практик, постулируется «легкое» к ним отношение, предлагается возможность оспаривания их всеобщей и обязательной природы. Во-вторых, лексемы *косить* и *забивать* потенциальны референциями к социолекту наркозависимых лиц: в этом случае подразумеваются, но замалчиваются существительные, входящие в состав устойчивых глагольных фраз: «косить траву (травку)» – т. е. собирать или приобретать запрещённые вещества, запастись ими, и «забить косяк» – т. е. приготовить сигарету с наркотическим веществом соответственно. Мотивирующая семантика этого высказывания, таким образом, фактически осуществляет движение окна дискурса, призывая приобщиться к соответствующей субкультуре – сколь деструктивной, столь и противозаконной.

В-третьих, что особенно актуально для представителей молодого поколения, парафразы советских ПКЗ способны задавать модель искажённой очередности присвоения артефактов культуры: знакомство с ехидной репликой, которая всегда «перчёнее», пикантнее пародируемого образца, может предшествовать знакомству с оригиналом, в силу чего именно реплика начинает восприниматься *аутентичнее, первичнее и убедительнее*, а оригинал *смотрится* выцветшей копией. В качестве примера приведём текст сингла «Аккорды» (Rakhim&Konfuz, 2022): *«Твои глаза меня манят назад / Но к тебе не вернусь, слышишь, прости, прощай (Прощай) / Кто любил, уж тот любить не сможет / Кто сгорел, того не подожжешь»*. Рассчитанная на молодёжную аудиторию (сингл, например, находится в ротации «первого танцевального радио» – Record Dance radio. – В. М.), композиция прибегает к приёму постмодерной полицитатности, заимствуя легендарные есенинские строки, однако вопрос об осведомлённости потенциальных реципиентов о первоисточнике остаётся открытым; и в том случае, если слушатели не знакомы с творчеством поэта, то строки утрачивают ассоциированность с высокой культурой, оказываясь в одном ряду с предшествующим текстом сингла, относящегося к совершенно иному регистру: *«Я сменяю аккорды все на минор / На тебе сейчас Барберри и Диор / Но без меня тебе это не идёт / Все говорили, поболит и пройдёт...»* («Аккорды»; Rakhim&Konfuz, 2022).

Итак, на основании проделанного анализа нам удалось установить, что причины деконструкции советского, наблюдавшейся в постсоветском медийном дискурсе, обусловлены, с одной стороны, собственными морфологическими свойствами советской культуры, а именно присущими ей избыточной лозунговостью и идиоматичностью, дидактическими интонациями, столкновением торжественных речевых клише с «низкими» жанрами повседневности, герметичностью культурного кода. С другой стороны, заметно и влияние социально-психологических факторов – от работы с общественным сознанием до эффекта «разжавшейся пружины», упоения гласностью и свободой слова.

Кроме того, мы пришли к выводу, что профанирование советского посредством искажения ПКЗ имеет социокультурные последствия, значительно выходящие за рамки смеховой культуры и языковой игры: парафразы прецедентов способны создавать альтернативную «кавер-версию» прошлого, иначе расставлять смысловые акценты, транслировать специфические ценности, «встраиваться» в алгоритмы освоения гуманитарной культуры. Вышучивание советского в парафразах ПКЗ, таким образом, становится ещё одним сюжетом, приближающим исследователя к пониманию модели рецепции советского современным общественным сознанием.

Список литературы

- Айданова Ю. Ф. Деконструкция советского мифа в постмодернистском тексте // Актуальные вопросы современной науки. 2008. № 2. С. 220–226.
- Гридина Т. А. Приколы «Русского радио»: новые жанры медиадискурса в свете традиционной смеховой культуры // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 34–38.

- Гридина Т. А. Языковая игра в жанре политического прикола // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 47–51.
- Журкова Д. А. Телепроект «Старые песни о главном». Особенности интерпретации лейтмотивов советской культуры // Вестн. слав. культур. 2021. Т. 59. С. 33–47.
- Ильф И. А., Петров Е. П. Золотой телёнок. Роман. Сыктывкар: Коми книж. изд-во, 1973.
- Ильф И., Петров Е. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Гослитиздат, 1961. Т. 1. Двенадцать стульев. Светлая личность. 1001 день, или новая Шахерезада.
- Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005.
- Липицкая В. М. «Время даёт горестный бал»: репрезентации социального контекста в российской популярной песне 1990-х г. // Гуманит. исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2022. № 3 (61). С. 64–73.
- Маяковский В. В. Избранные произведения. В 2 т. М.: Худож. лит., 1955. Т. 1. Стихотворения. Моё открытие Америки.
- Насртдинова В. М. Транскрибирование контекстов современности в семантическом поле новогодней открытки // Гуманит. исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 2(44). С. 77–88.
- Немченко Л. М. Стратегии работы с ностальгией по советскому в современном российском кинематографе // Филологический класс. 2016. №1 (43). С. 108–112.
- Пикулева Ю. Б. О степени прецедентности советских культурных знаков в современной рекламе // Советское прошлое и культура настоящего: монография: в 2 т. Т. 2 / Отв. ред. Н.А. Купина, О.А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2009. С. 148–161.
- Савчук В. В. Чистая критика Вальтера Беньямина // Герменевтика и деконструкция / Под. ред. В. Штегмайер, Х. Франка, Б.В. Маркова. СПб.: СПбГУ, 1999. С. 105–135.
- Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 4. Повести и рассказы 1925 – 1928. Гиперболоид инженера Гарина.
- Фишман Л. Г. Эпоха добродетелей: после советской морали. М.: Нов. лит. обзор., 2022.
- Щемелева Е. Ю. Фрейм бытового совета в советской лингвокультуре // Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2014. № 5 (2). С. 216–219.
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Нов. лит. обзор., 2014.

References

- Ajdanova Yu. F. Deconstruction of the Soviet myth in a postmodern text // Relevant Issues of Modern Science. 2008. No. 2. P. 220–226. (in Russian)
- Fishman L. G. The era of virtues: after Soviet morality. Moscow: Nov. lit. obozr., 2022 (in Russian)

- Gridina T. A.** Jokes of “Russkoye radio”: new genres of media discourse in the light of traditional humorous culture // *Political Linguistics*. 2014. No. (48). P. 34–38. (in Russian)
- Gridina T. A.** Word game in the genre of political joke // *Political Linguistics*. 2011. No. 4 (38). P. 47–51. (in Russian)
- Илф И., Петров Е.** The golden calf. Novel. Syktyvkar: Komi knish. izd-vo, 1973 (in Russian)
- Илф И., Петров Е.** Collected works: In 5 volumes. M.: Goslitizdat, 1961. Vol. 1. The twelve Chairs. Bright personality. 1001 days, or the new Scheherazade. (in Russian)
- Kara-Murza S. G.** Manipulation of consciousness. M.: Eksmo, 2005 (in Russian)
- Lipitskaya V. M.** “Sorrowful ball of the epoch”: representations of social context in the Russian popular music of the 1990s // *Humanities Research in the Russian Far East*. 2022. No. 3 (61). P. 64–73. (in Russian)
- Mayakovskij V. V.** Selected works: In 2 vol. M.: hudozh. lit., 1955. Vol. 1. Poems. My discovery of America. (in Russian)
- Nasrtdinova V. M.** Transcription of contemporaneity contexts within the semantic field of new Year postcard // *Humanities Research in the Russian Far East*. 2018. No. 2 (44). P. 77–88. (in Russian)
- Nemchenko L. M.** Strategies of work with nostalgia for the Soviet in contemporary Russian cinema // *Philological Class*. 2016. No. 1(43). P. 108–112. (in Russian)
- Pikuleva Yu. B.** With respect to the degree of precedence of Soviet cultural signs in modern advertising // *Soviet past and culture of the present: In 2 vol. / Ed. by N.A. Kupina, O.A. Mihajlova*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. un-ta, 2009. Vol. 2. P. 148–161. (in Russian)
- Savchuk V. V.** Pure criticism of Walter Benjami // *Hermeneutics and deconstruction*. Ed. by V. Shtegmayer, H. Frank, B.V. Markova. SPb.: Izd-vo Sankt-Petersburg gos. un-ta, 1999. P. 105–135 (in Russian).
- Shchemeleva E. Yu.** The frame of household advice in the Soviet linguoculture // *Philological Sciences. Issues of theory and practice*. 2014. No. 5. Vol. 2. P. 216–219 (in Russian)
- Tolstoj A. N.** Collected works: In 10 volumes. M.: Goslitizdat, 1958. Vol. 4. Novels and stories 1925–1928. Hyperboloid of engineer Garin. (in Russian)
- Yurchak A.** Everything Was Forever, Until It Was No More: The last Soviet generation. M.: Nov. lit. obozr., 2014 (in Russian)
- Zhurkova D. A.** “Old songs about the main things” TV project. Interpretation of the Soviet culture’s leitmotifs // *Bulletin of Slavic Cultures*. 2021. Vol. 59. P. 33–47. (in Russian)

Информация об авторе

Валентина Михайловна Липицкая, кандидат философских наук, доцент
доцент кафедры иностранных языков, Казанское высшее танковое командное ордена Жукова Краснознамённое училище

Information about the author

Valentine M. Lipitskaya, Candidate of Sciences (Philosophy), Docent,
Associate professor of Foreign Languages Department, Kazan Higher Tank
Command Order of Zhukov Red Banner School

*Статья поступила в редколлегию 13.02.2023;
одобрена после рецензирования 26.05.2023; принята к публикации 30.05.2023*

*The article was submitted 13.02.2023;
approved after reviewing 26.05.2023; accepted for publication 30.05.2023*